

Глава 5. Творение и судьба

Чи Шэнь устроился в карете, подготовленной Сян Тянью. Прошлый раз, когда они ехали в школу, он был слишком занят мыслями о том, согласится ли наставник его обучать, да и богатый жизненный опыт не позволял ему изумляться каждой мелочи. Теперь же, когда тревоги улеглись, он смог в полной мере оценить изысканность экипажа.

Снаружи уже всюду припекало солнце, но в карете было прохладно. Окна приоткрыли лишь на узкую щель; их украшала искусная резьба — стая птиц, застывшая в полете над лесом. Резные узоры дробили солнечный свет на тонкие полосы, а легкий ветерок беспрепятственно проникал внутрь.

В упряжке шли два высоких гнедых коня. Места в карете оказалось едва ли не в полтора раза больше, чем в обычных экипажах. Пол был устлан тонкой бамбуковой циновкой — легкой и прохладной на ощупь. В задней части кареты громоздились мягкие постельные принадлежности, на которые можно было с комфортом опереться, а в специальных нишах дожидались съестные припасы. Чи Шэнь быстро утомился от мерного покачивания; сам того не заметив, он провалился в сон. Сян Тянью осторожно уложил его поудобнее, и мальчик проснулся лишь тогда, когда солнце уже клонилось к закату.

Карета стояла. Внутри Чи Шэнь остался один, и на мгновение в груди шевельнулась тревога. Он поспешно откинул занавеску и выглянул наружу. Неподалеку Дао Цзун уже разводил костер, а из леса возвращался Сян Тянью. В руках он нес что-то красное; подойдя ближе, показал добычу — то была тушка дикого кролика.

Опасаясь, что вид крови и тяжелый запах расстроят ребенка, Тянью не подпускал его близко. И лишь когда языки пламени начали лизать мясо, наполняя воздух аппетитным ароматом, он позвал его к костру.

Как только солнце скрылось за горизонтом, небо мгновенно потемнело. Вокруг лишь изредка потрескивали искры костра, рассыпаясь в ночной тишине. Дао Цзун, так и не притронувшись к еде, куда-то исчез.

Чи Шэнь долго колебался, но всё же не выдержал:

— Брат, а куда делся дедушка Дао Цзун?

— Он ушел подальше, чтобы охранять наш покой. Не беспокойся о нем.

Чи Шэнь знал, что Дао Цзун — человек необычный. Порой он задавался вопросом: как должен вести себя настоящий одиннадцатилетний ребенок, сталкиваясь с чем-то явно сверхъестественным? К несчастью, он боялся выдать себя лишним словом, а потому предпочитал помалкивать. До тех пор, пока он не задавал вопросов, Тянью не обращал внимания на его странную для ребенка рассудительность.

Возможно, Гу Минь был прав: Чи Шэню не досталось ни великого ума, ни хитрости. Куда бы он ни пошел, ему придется несладко, а чтобы чего-то добиться, потребуется приложить в десять раз больше искренности и усилий. От этой мысли он невольно вздохнул.

Сян Тянью замер, отложив ветку, которой ворошил угли.

— Что это ты вздыхаешь в столь юном возрасте?

Чи Шэнь откинулся на копну сена и уставился в бескрайнее звездное небо.

— Я просто подумал, что жить в этом мире — дело непростое.

Тянью на мгновение замолчал, не зная, что ответить.

— Верно. Но чем тяжелее жизнь, тем яростнее нужно за неё бороться. Большинство людей так и живут.

Не желая продолжать разговор на столь мрачной ноте, Чи Шэнь перевернулся на бок и посмотрел на Тянью:

— Наверное, всё дело в привязанностях. Ради тех, кто нам дорог, мы готовы терпеть любые невзгоды. Мы с братом всегда поддерживали друг друга, и нам не было слишком уж тяжело. А вздохнул я просто так — вспомнил старые истории, о которых он рассказывал.

— Наверное, ты считаешь меня бессердечным, — мягко произнес Тянью. — На самом деле у Дао Цзуна есть Сокровенное мастерство, он куда крепче твоего тщедушного тельца.

Заметив, что Тянью готов поделиться секретами, Чи Шэнь приподнялся:

— Сокровенное мастерство?

— Тебе его не освоить.

Тянью ответил с такой уверенностью, что в Чи Шэне проснулось упрямство.

— Откуда ты знаешь?

— Я проверял твои кости и прощупывал пульс, — Тянью с сожалением покачал головой. — Ты — обычный смертный. Тебе никогда не вступить на Путь и не постичь Дао.

По спине Чи Шэня пробежал холод. Он сел прямо, стал предельно серьезен:

— Я и не знал... Не постичь Дао? И что же это значит?

— В лучшем случае проживешь сотню лет... — Тянью тоже помрачнел. — Я уже всё решил, Бао-эр. Когда ты обзаведешься семьей и добьешься успеха, я уйду. У нас в запасе еще как минимум лет десять.

Чи Шэнь почувствовал, как его кулаки, упирающиеся в траву, мелко дрожат.

— Обычный смертный... Неужели совсем нет надежды?

Заметив, что ребенок боится и не хочет расставаться, Тянью сжал зубы.

— Вообще-то, выход есть. Существует одна пилюля под названием «Творение». Если принять её, можно очистить меридианы и переродиться в ином теле. Но сделать это нужно до шестнадцати лет. Процесс мучителен, и успех не гарантирован.

— Раз есть способ, значит, не всё потеряно! — Чи Шэнь просиял. — Мне до шестнадцати еще пять целых лет. Разве за это время мы не найдем какую-то пилюлю?

— Ты не понимаешь. Пилюли Творения нет в мире смертных.

— Не в мире смертных? А где же она тогда?

Тянью посмотрел на небо, словно решаясь, и начал раскрывать сокровенные тайны:

— Тебе не положено этого знать, и я не уверен, правильно ли делаю, рассказывая это сейчас. В самом центре четырех государств Континента Сокровенного Истока раскинулось Перевернутое озеро. Те, кто обладает талантом к самосовершенствованию, достигнув великого круга стадии Врожденного Ци, могут прыгнуть в это озеро и попасть на Континент Высшего Истока.

Чи Шэнь слушал, затаив дыхание:

— Сокровенный Исток, Высший Исток... Значит, пилюля Творения там?

— Не совсем так, — Тянью улыбнулся. — Я знаю о ней лишь потому, что рецепт этой пилюли составил один из великих предков семьи Сян. Говорят, он сделал это для того, чтобы забрать с собой любимого человека и быть вместе вечно.

— Вот оно как... Но разве в семье Сян не осталось самой пилюли или хотя бы рецепта?

— Раньше было и то, и другое. Теперь остался только рецепт, а собрать все травы под силу лишь императорскому двору. Мне самому пилюля Творения не нужна, но именно из-за неё я и покинул дом.

— Почему?

— У великих кланов столицы, процветающих веками, почти всегда есть предки на Континенте Высшего Истока. И хотя те не могут вернуться назад через озеро, у них есть множество способов передать потомкам блага. Они надеются, что среди их наследников появятся выдающиеся таланты, способные укрепить их власть в том, другом мире.

— А ты, брат? — Чи Шэнь нахмурился, уже представляя, какие интриги плелись вокруг него.

Тянью усмехнулся:

— Мне повезло, у меня с рождения были способности к совершенствованию. Сначала я хотел раздобыть пилюлю, чтобы вырастить преданного человека... Впрочем, накопилось слишком много обид, не стоит и вспоминать.

Чи Шэнь недовольно опустил голову:

— Наверняка они строили тебе козни и всячески притесняли, иначе с чего бы тебе уходить из дома с такой печалью?

— Печаль тут ни при чем, — возразил Тянью. — Просто мне стало скучно. Человеку нужно видеть горы и реки, стремиться к вершинам. Какой смысл день за днем препираться с кучкой женщин, чьи души не шире игольного ушка?

— Женщины могут быть невежественны, но... но неужели твой отец просто стоял и смотрел?

— Он, скорее всего, просто хотел, чтобы я жил спокойно. Сын рабыни, у которого в десять лет внезапно обнаружили талант к магии... К сожалению, моё происхождение не позволяло мне занять достойное место, да и характер у меня строптивый. Бросил всё богатство семьи Сян и сбежал.

— Пусть злится сколько угодно! Придет день, и он горько пожалеет!

Тянью затушил угли, оставив лишь тусклое багровое свечение, и со смехом ущипнул Чи Шэня за пухлую щеку:

— И откуда в тебе такая уверенность, чтобы бросаться подобными словами?

Чи Шэнь самодовольно подумал: «Как бы ни было сложно задание, есть один неоспоримый плюс — я знаю, что Сян Тянью главный герой этого мира. Мне нужно лишь всегда быть на его стороне. Семья Сян для него — лишь ступенька на пути к величию».

Вслух же он сказал, привычно ластясь:

— В моем сердце брат — самый лучший. Ты один в этом мире живешь так свободно и благородно. Моя уверенность — это лишь отражение твоей силы.

Слова мальчика пришились Тянью по душе. Он громко рассмеялся и прижал его к себе:

— Ах ты, маленькая лисица! Ладно, раз уж ты так хочешь быть со мной, я готов вернуться в семью Сян и забрать рецепт пилюли Творения! Но помни: путь совершенствования долог и одинок. Это не игра. Тебя ждут испытания, опасности и нужда подчиняться обстоятельствам. Ты сможешь это вынести?

Чи Шэнь ослепительно улыбнулся. «Вынести? — подумал он. — Я ради этого и пришел. И я не отступлю, пока не увижу, как ты вознесешься над небесами!»

Вновь подтвердив свою верность друг другу, они продолжили путь. Ехали днем, отдыхали ночью и в итоге прибыли в уезд Чима на два дня раньше срока. Впрочем, они были далеко не первыми — у городских ворот уже вытянулась длинная очередь. Стражники бегло осматривали входящих. Глядя в окно, Чи Шэнь заметил, что добрую половину толпы составляли ученые мужи с узлами за плечами. Остальные были богатыми молодыми господами и дамами из соседних уездов в сопровождении слуг. Встречались и суровые воины с мечами и копьями.

Карета Тянью пристроилась с краю, не привлекая лишнего внимания. Однако стоило Сян Тянью выйти наружу, как служанки, обмахивающиеся веерами, и барышни, робко выглядывавшие из своих экипажей, принялись перешептываться. Окна карет приоткрывались, и знатные дамы, делая вид, что отдают распоряжения слугам, то и дело бросали взгляды на прекрасное лицо юноши.

В эпоху династии Дафань нравы были довольно свободными, но приличные девушки всё же не могли открыто заговаривать с незнакомцами. Зато люди из мира боевых искусств не обременяли себя излишними приличиями.

В небольшой группе, стоявшей чуть впереди, выделялась девушка в зеленых одеждах с мечом на поясе. Она с живым интересом посмотрела на Сян Тянью. Юноша был на редкость хорош собой: он слегка улыбался, но в самой осанке чувствовалась властная сила, разительно отличавшая его от хилых книжных червей вокруг. Шепнув что-то своим спутникам — юноше и девушке, — она хихикнула и направилась прямо к Тянью.

Тянью не шелохнулся, ожидая, пока она подойдет.

— Добрый день, почтенный брат. Позвольте узнать ваше имя? — Девушка указала на своих друзей неподалеку. — Мы с товарищами — ученики секты Юйцзянь. Прибыли в Чима поглазеть на праздник фонарей и стихов. Не сочтете ли за труд присоединиться к нам?

Тянью скользнул взглядом по её спутникам. Трое выглядели вполне дружелюбно и вежливо улыбались, и лишь последний юноша стоял с мрачным видом, не сводя глаз с девушки в зеленом. Он был столь явно ревнив, что Тянью невольно усмехнулся.

Он вежливо покачал головой:

— Я путешествую со своим младшим братом. Он у меня беспокойный, за ним нужен глаз да глаз. Боюсь, мы станем вам обузой. Благодарю за приглашение.

Девушка заглянула в карету, но ничего не увидела. Она не стала настаивать и открыто улыбнулась:

— Жаль. Меня зовут Хэ Шоуцин. Могу ли я узнать ваше имя, чтобы в случае новой встречи знать, как к вам обращаться?

— Вы слишком любезны, девушка Хэ. Меня зовут Сян Тянью.

<http://bllate.org/book/17417/1650645>